

Научная статья

УДК 81'42

DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-18-36

**Эзра Паунд и вортицизм:
трансатлантические векторы в политике
и семантические сдвиги в языке**

Ольга Викторовна Соколова

Институт языкознания Российской академии наук

Москва, Россия

olga.sokolova@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4399-0094>

Аннотация

Исследуются ключевые положения эстетической концепции «заряженного» смыслом поэтического языка Э. Паунда. Эта концепция, с одной стороны, перекликается с общими тенденциями к взаимодействию поэтического и политического дискурсов начала XX в., а с другой – выражает особенности понимания Паундом сущности и роли поэтического языка для мировой культуры и современной ему политики. Анализ корпуса публицистических текстов Паунда, от ранних текстов (“*Patria mia*”, 1912) до поздних выступлений по Римскому радио в 1940-е гг., позволил выделить основные векторы поэтико-политической концепции Паунда, которые прослеживались на протяжении всего его творчества: вектор трансатлантической политики (*American Risorgimento*); вектор политико-поэтической перформативности (*Literature is language charged with meaning*) и вектор семантического сдвига в художественном высказывании (*Make it new*). Подробно исследованы прагма-семантические техники, разработанные Паундом с целью обновления языка и повышения перформативности высказывания, способного оказывать активное воздействие на адресата и реальность. В статье рассмотрена специфика полисемии как динамического наложения политической неоднозначности и поэтической многозначности

© Соколова О. В., 2022

ISSN 2307-1737

Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 18–36

Critique and Semiotics, 2022, no. 2, pp. 18–36

на примере ранних текстов Паунда и манифестов, написанных в вортицистский период. Основным семантическим приемом является актуализация полисемии высказывания, что связано с теоретической установкой Паунда на преодоление бинарных оппозиций и однозначности интерпретации. Многозначность формируется за счет многочисленных семантических сдвигов между абстрактным и конкретным, буквальным и метафорическим значениями.

Ключевые слова

авангардный поэтический дискурс, политический дискурс, полисемия, семантический эксперимент, «семантический вортекст», Э. Паунд, вортицизм

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН

Для цитирования

Соколова О. В. Эзра Паунд и вортицизм: трансатлантические векторы в политике и семантические сдвиги в языке // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 18–36. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-18-36

Ezra Pound and Vorticism: Transatlantic Vectors in Politics and Semantic Shifts in Language

Olga V. Sokolova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
olga.sokolova@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4399-0094>

Abstract

The article examines the key provisions of Ezra Pound's aesthetic conception of poetic language. On the one hand, this concept resonates with the general tendencies towards the interaction of poetic and political discourses of the early twentieth century. On the other hand, the conception indicates the role of poetic language for world culture and modern politics. Analysis of Pound's essays corpus for the period from 1912 to the 1940s provides identification of three main vectors: the vector of transatlantic policy (*American Risorgimento*); the vector of political and poetic performativity: (*Literature is language charged with meaning*), and the vector of semantic shift (*Make it new*). The article scrutinizes the pragmatic and semantic techniques that manifest Pound's intention to update the language and increase the performativity of the statement that can have an active effect on the addressee and reality.

Keywords

avant-garde poetic discourse, political discourse, polysemy, semantic experiment, E. Pound, vorticism, “semantic vortex”

Acknowledgements

The research is funded by grant № 19-18-00040 of the Russian Science Foundation and is carried out at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

For citation

Sokolova O. V. Ezra Pound and Vorticism: Transatlantic Vectors in Politics and Semantic Shifts in Language. *Critique and Semiotics*, 2022, no. 2, pp. 18–36. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-18-36

В разные периоды своего творчества Э. Паунд придерживался различных политических взглядов, степень радикальности которых менялась, чему посвящены работы [Feldman, 2013; Lüfter, 2016] и др. В настоящей статье мы обратимся к анализу эстетической концепции Паунда не столько в связи с конкретными политическими ориентирами, сколько в аспекте поэтической и политической интердискурсивности. Взаимодействие поэзии и политики в текстах Паунда представляет особый интерес в связи с распространившейся в первой половине XX в. тенденцией к «политизации искусства (эстетики)» и «эстетизации политики» (В. Беньямин) и «перераспределению чувственного» (Ж. Рансьер). Эта тенденция была основана, с одной стороны, на необходимости обновления и революционизации языка политики (ср. с требованием К. Маркса «*изменить мир*»¹, высказанным в последнем из «Тезисов о Фейербахе», 1845). А с другой стороны, политизация поэзии и искусства была обусловлена желанием повысить силу его воздействия на адресата и реальность, что выразилось прежде всего в экспериментальной авангардной и модернистской литературе (ср. с манифестами итальянских и русских футуристов, призывающих стереть границу между искусством и реальностью, словом и объектом, сформировать модель «искусства-действия»²). В этом интердискурсивном

¹ «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [Маркс, 1955, с. 4].

² Например, концепция “*Arte-azione*” Ф. Т. Маринетти, который утверждал: *Мы должны были кардинально изменить метод <...> внедрить удар как форму художественной борьбы* [Marinetti, 1915, p. 5], идеи «сдвигологии», «фактуры слова», «деавтоматизации» и «остранения» русских футуристов и близких к ним формалистов, концепции «искусства как производства» и «искусства жизнестрое-

поле, основанном на усилении роли поэтической функции в политическом высказывании и повышении перформативности высказывания поэтического, Паунд сформировал собственную концепцию «заряженного» смыслом поэтического языка (*Literature is language charged with meaning* [Pound, (1934) 1991, p. 28]), оказывающего активное воздействие на адресата и обновляющего искусство, культуру и реальность.

Установка Паунда на преодоление языковых, коммуникативных и дискурсивных оппозиций (например, развитие им теории Э. Феноллозы об идеограмматическом методе как форме идеального поэтического языка³) сосуществует с моделированием определенных бинарных переменных. Среди таких оппозиций можно назвать противопоставление поэтического языка и обыденной речи, развитие языка в синхронии и диахронии, а также разграничение «жесткого» (*hard*) и «мягкого» (*soft*) модернизма. Последнюю оппозицию Паунд вводит, не давая четкого определения этих понятий: «Я прошу прощения за использование таких полуметафорических [sic] терминов “жесткий” и “мягкий” в этом эссе, но после того, как я некоторое время ломал голову над этим вопросом, я не вижу другого способа решить эту проблему. Под “твердостью” я подразумеваю качество, которое в поэзии почти всегда является добродетелью – я не могу придумать ни одного опровергающего это случая. Под “мягкостью” я подразумеваю противоположное качество, которое не всегда является недостатком. Любой, кому не нравятся эти текстурные термины, может возложить вину на Теофила Готье, который определенно предлагает их в *Émaux et Camées*»⁴ [Pound, 1918, p. 264]. Развивая предложенный Паундом подход, П. Николлс разграничивает семантически компрессированное письмо, вовлекающее адресата в процесс активной интерпретации (критерий поэтической «жесткости»), и неопределенное, витиеватое письмо (критерий поэтической «мягкости»). Исследователь проецирует эту оппозицию на два вида поэзии: «актуальной», в значении «политической», с одной

ния» раннесоветского авангарда. О разных аспектах перформативности в авангардной литературе см. [Июффе, 2012; Липовецкий, 2021; Швец, 2021] и др.

³ Около 1914 г., в начале своего вортицистского периода, Паунд знакомится с работой «Китайский письменный знак как посредник для поэзии» (1909) Э. Феноллозы и увлекается его идеограмматическим методом. Тогда же Паунд переводит сборник классической китайской поэзии «Катай» (1915) и готовит переиздание части работы (*Fenollosa E. The Chinese Written Character as a Medium for Poetry // Instigations. Pound, 1920*) (подробнее см. [Dowthwaite, 2019, p. 70–75]).

⁴ Здесь и далее, если не указано иное, перевод наш. – О. С.

стороны, и «эстетизма, близкого декадентству», с другой [Nicholls, 2013, p. 16, 19]. Сравнивая такой подход с идеей «участного мышления» М. М. Бахтина, П. Николлс подчеркивает значимость настоящего времени не только как эстетико-философской, но и лингвистической категории. Формы настоящего времени, дейктики, которые преобладают в языке поздних «Кантос» (например, “Rock Drill”, “Thrones”), позволяют сделать вывод о фокусировании Паунда на политической, «жесткой» идее, в то время как «мягкость» ассоциируется с мифическим, дополитическим миром [Ibid., p. 19].

Важно подчеркнуть, что жесткость имеет не структурное, а концептуальное измерение – это не система линейных связей между элементами, которая обеспечивает лексико-грамматическую связность текста. Напротив, основным структурным свойством текстов Паунда (прежде всего “Cantos”) является их нецелостность. По мнению М. Перлофф, “Cantos”, по сути, не относятся к лирическим текстам, поскольку их «коллажная поверхность несет на себе следы самых разных жанров: эпоса, романа, сатиры, басни, травелога, песни и т. д.» [Perloff, 1996, p. 16]. Это свойство поэтики и языка Паунда представляет собой «манию несовершеннолетнего, манию к расщеплению формы», которая возникла в вортицистский период под влиянием Годье-Бжески, а позже, когда он увлекся работами Э. Феноллозы, «нашла выражение в виде идеограмматического мышления во всех видах деятельности Паунда» [Чухров, 2000, с. 20].

Коллажная структура не только охватывает различные художественные жанры, но и выходит за границы категорий «художественного» – «эмпирического», включая объекты политической, экономической и социальной реальности. Феномен «жесткой» политической актуальности разворачивается в нежесткой художественной среде, предоставляющей платформу для реализации творческого потенциала разных форм взаимодействия и интеграции этих дискурсов. Такое понимание интегративной поэтико-политической концепции Паунда перекликается с выводом, сделанным Ч. Бернстином в эссе “Pounding Fascism”. Отрицая политический радикализм Паунда, он отмечает силу продуктивного воздействия его текстов на сознание и культуру: «Поэзия может сделать слышимой составляющую сознание деятельность идеологии, уважать происхождение слов и изобретать для них новые миры. Этот проект продолжается» [Bernstein, 1992, p. 127].

Можно выделить основные векторы поэтико-политической концепции Паунда, которые прослеживались на протяжении всего его творчества,

от ранних текстов (“*Patria mia*”, 1912) до поздних выступлений по Римскому радио и эссе, написанных в Италии в 1940-е гг.:

1) вектор трансатлантической политики: *American Risorgimento* (‘Американское Рисорджименто’);

2) вектор политико-поэтической перформативности: *Literature is language charged with meaning* (‘Литература – это язык, заряженный смыслом’);

3) вектор семантического сдвига в художественном высказывании: *Make it new* (‘Сотвори заново / Обнови’).

Вектор трансатлантической политики

Расширение географических горизонтов и темпоральных границ, связанное с техническим прогрессом конца XIX – начала XX в. и возможностью трансатлантических путешествий, оказало влияние на все сферы социума. Безграничные возможности циркуляции идей и перемещения деятелей искусства привели к появлению новых художественных направлений и течений⁵. В 1908 г. Паунд мигрирует в Европу: вначале он останавливается в Венеции, затем переезжает в Лондон. Трансатлантическая оптика повлияла на его эстетические и политические взгляды. Он не только участвует в создании новых художественных направлений (имажизма и вортицизма), но и выстраивает свою эстетическую систему на трансфере поэтических, экономических и политических идей.

Сопоставляя основные положения программы американской партии республиканцев и особенности декларативно-патетической манеры их изложения, Р. Белькович приходит к выводу, что стиль Паунда является «не аберрацией восприимчивой поэтической природы, но частным случаем конкретной социально-политической парадигмы мышления радикального республиканизма» [Белькович, 2019, с. 419]. Трансатлантический вектор политики Паунда был задан мечтой о Возрождении Америки по модели итальянского Рисорджименто.

Идея обновления поэтического языка и политической реальности была ключевой для Паунда, что выразилось в его известном лозунге *Make It New* («Сотвори заново») (1934, сборник эссе). Уже в раннем эссе “*Patria mia*” он пишет:

⁵ О трансатлантических связях и тенденциях в европейской и американской литературе подробнее см. антологию [Трансатлантический авангард, 2018].

Я заявил о своей вере в неизбежность **американского Рисорджименто**. У меня нет желания льстить стране, делая вид, что мы в настоящее время переживаем что-то большее, чем Мрачное Средневековье. **Рисорджименто** означает интеллектуальное пробуждение <...> Когда я говорю, что верю в неотъемлемость **американского Возрождения**, «Возрождение» – это не *le mot juste* (точное слово), но оно стало использоваться для обозначения почти любого вида пробуждения. '**Risvegliamento**' было бы более подходящим термином, если быть верным итальянскому языку [Pound, 1912b, p. 26].

Позднее, в тексте «Джефферсон и / или Муссолини» (1933, опубликован в 1935) Паунд последовательно проводит параллель между «золотым веком» – республиканской Америкой эпохи Джефферсона – и возрожденной Италией эпохи Муссолини, видя единственную возможность нового расцвета Америки в восстановлении республиканской традиции. Трансатлантическая программа выразилась в гибридной модели *Американского Рисорджименто, Ренессанса* (“American Risorgimento”, “American Renaissance”) или *Пробуждения* (“Risvegliamento”). В этой программе выделяется сразу три трансфера: географический (между двух берегов Атлантики), хронологический (от античного политического устройства – к современным институциям) и эстетический (перевод категорий культуры в политическое пространство).

Вектор политико-поэтический перформативности

Далее мы обратимся к анализу языка Паунда с точки зрения семантики и прагматики. Работа Паунда с языком и языками в синхронии и диахронии выражалась в активном использовании приемов поэтической этимологии и паронимической аттракции. Ключом к пониманию «поэтической политики» Паунда может быть обращение к концептуальной паре *политика* и *поэзия* и их мотивирующих оснований. Оба слова имели для поэта двойное значение – в синхронии, в обыденном употреблении, и в диахронии, в их этимологическом «возрождении». Обозначение современной политики как деятельности по захвату и удержанию власти всегда было для Паунда предметом дискуссий, что выражалось в интеррогативных конструкциях, где значение слова *политика* ставилось под вопрос:

Что, во имя всего святого, СКРЫВАЕТСЯ за вашей политикой?; В любом случае, не будет ли это ГЕОполитикой? [Ezra Pound Speaking 1978, p. 92].

Характеризуя собственное понимание политики, он определяет ее в категориях классической для политического дискурса оппозиции «свой – чужой»:

На днях один друг сказал мне, что он рад слышать те политические взгляды, которые у меня есть, но что ОН не может понять, где я мог их получить, будучи североамериканским соединённоштатцем; Моя политика кажется мне ПРОСТОЙ. Мое представление о государстве ИЛИ об империи больше похоже на ежа или дикобраза, мохнатого и хорошо защищенного [Ezra Pound Speaking 1978, p. 16].

При этом единственным, кто находится «по эту сторону баррикад» вместе с Паундом, является он сам, что подчеркивается с помощью притяжательного местоимения и обозначения политики как *моей политики* (“My politics”, “My idea of a state”; “I had the politics I have got”).

Такое «дейктически» ориентированное определение политики восходит к истокам этого термина: *политика* от др.-греч. *πόλις* ‘город, государство’⁶. Понимание политики в значении древнегреческого *полиса* прослеживается и в эссеистике: «СОЖИТЕЛЬСТВО с другими людьми. ПОЛИС, город, политика, правильный способ для людей жить вместе в городе. Греческие города очень маленькие» [Ibid.], и в поэзии Паунда. В «Canto ХСV/95» поэт включает различные слова с формантом *πόλ-* (*πόλις*, *πολιτική*, *πολεύω*, *πολύγλωσσος*), выявляя утраченные семантические связи и формируя новые контекстуально обусловленные семантические валентности:

И были гильдии в Византии⁷.

“Не политическое, – говорит Данте, а
“compagnevole animale”⁸

⁶ О диалектическом противоречии, заложенном в этом термине, пишет М. В. Ильин: «Закольцовывание логического движения от политического целого к гражданину и обратно одновременно противопоставляет и соединяет гражданина (polites) и град (polis). В этом контрапункте <...> выражен отказ от признания только политического целого или только политического индивида в качестве безусловной отправной точки. Во главу угла поставлены их взаимоподдержка и взаимоправдание <...> Ни власти, ни подвластные не могут претендовать на безусловный приоритет, так как “первичны” в равной мере и взаимообуславливают друг друга» [Ильин, 1997, p. 220–221].

⁷ Текст и все сноски к «Canto ХСV» даны по переводу Я. Э. Пробштейна [Паунд, 2014].

Даже если некоторые скучиваются в городах
 πόλις, πολιτική⁹

reproducteur
 contribuable.¹⁰ Paradis peint¹¹

однако πολέω означает пахать
 πολύγλωσσος¹²

(пер. Я. Пробштейна) [Паунд, 2014]

Я. Э. Пробштейн подчеркивает, что в этом тексте важно древнегреческое написание πόλις. Это связано с разграничением поэтом значений слова в аристотелевском и в современном смысле (цит. по: [Паунд, 2014]). Для Паунда ключевым элементом значения *политики* как *полиса* в древнегреческом понимании является созидательное действие, заложенное в основании этой социальной формации, которое становится стимулом для дальнейшего образования социальных институтов, искусства и культуры.

Другим важным понятием для Паунда является *поэзия*, которая этимологически понимается как активный, деятельный порыв языка (от лат. *poēsis* от греч. *ποίησις* ‘творчество’ из *ποιέω* ‘делаю, создаю’). В «Азбуке чтения» (“ABC of Reading”, 1934) Паунд акцентирует, что язык поэзии и литературы – это язык, обладающий зарядом особой силы: «Литература – это язык, заряженный смыслом» [Round, (1934) 1991, p. 28]). Этот заряд реализуется в сложном интенциональном процессе взаимодействия поэта и читателя – в процессе художественной коммуникации. Говоря о перформативной роли поэзии, являющейся формой прямого, непосредственного воздействия и моделирования реальности, Паунд акцентирует

⁸ “Compagnevole animale” (итал.) – «общественное животное» – Из “Пира” (“Convivio”) Данте.

⁹ Πόλις, πολιτική (греч.) – город, община – Паунд не хотел, чтобы эти слова Аристотеля понимали в современном смысле и поэтому пользуется греческим.

¹⁰ *Reproducteur / contribuable* (франц.) – производитель (племенное животное), налогоплательщик (животное). Классификация взята у Реми де Гурмона, который поделил буржуазию на 3 вида: воспроизводящие, налогоплательщики и избирающие животные.

¹¹ *Paradis peint* (франц.) – раскрашенный рай.

¹² Πολύγλωσσος (греч.) – полиглот, многоязычный.

особое понимание глубинного синтеза поэтического и политического компонентов¹³.

Сложная связь выражается одновременно в сближении и в противопоставлении этих понятий, как синтаксическом (противительный союз *but*), так и лексическом (оппозиция глаголов *contain* и *imply*):

A work of art need not **contain** any statement of a political or of a social or of a philosophical conviction, **but** it nearly always **implies** one. **The force of a work of art** is this, namely, that the artist presents his case, as fully or as minutely as he may choose [Pound, 1912b, p. 26].

‘Произведение искусства не обязательно должно содержать какое-либо заявление о политических, социальных или философских убеждениях, но оно почти всегда подразумевает их. Сила произведения искусства состоит в том, что художник представляет свое дело настолько полно или детально, насколько он может’.

Вектор семантического сдвига

Проблема многозначности поэтического высказывания осмыслялась самим Паундом. Потенциальное приращение смыслов художественного текста, приводящее к взаимодействию с адресатом, повышает перформативность высказывания, и эта многозначность может быть умножена за счет взаимодействия с другими дискурсами, и прежде всего с политическим. Утверждая, что поэзия должна сохранять силу «неопределенного намёка» (“vague suggestion”), Паунд разделял различные виды неопределенности (в обыденной речи, в языке политики и поэзии):

Художник разграничивает один вид неопределенности от другого, а поэзия – очень сложное искусство. Ее выразительные средства, с одной стороны, самые простые и наименее интересные, а с другой – наиболее загадочные и захватывающие [Pound, 1912a, p. 298].

Обращение к анализу семантической структуры текстов Паунда также основано на разных типах полисемии, характерных для поэтического и политического дискурсов. Неоднозначность поэтического высказывания, являющаяся «внутренне присущим, неотчуждаемым свойством любого направленного на самого себя сообщения, <...> естественная и существен-

¹³ Прямое обозначение силы искусства (*the force of a work of art*) связано с влиянием «Прагматизма» (1907) У. Джеймса.

ная особенность поэзии» [Якобсон, 1975, с. 221], неоднократно становилась предметом исследования в работах по лингвистической поэтике (см. [Перцова, 1988; Ковтунова, 2003; Зубова, 2010; Северская, 2019] и др.).

Ю. С. Степанов определяет «семантическую поэзию» как отдельный тип поэтического высказывания, сформированный на «пути» от слова к предмету, в котором реализуется «проникновение через предмет к сущности» [Степанов, 1985, с. 66]. Это определение, относящееся к символизму, может быть спроецировано и на поэтический дискурс в целом. Среди типов некаламбурного совмещения значений, особенно характерных для поэзии, Анна А. Зализняк [2013, с. 26–27] выделяет такие, как «сплав», когда два отчетливо различных значения как бы соединяются в одно, сохраняя при этом ощущение разности, что порождает эффект возникновения нового, третьего смысла; «мерцание», т. е. как бы попеременное обнаружение то одного, то другого значения; и «принцип тернарной семантики» (вслед за Т. М. Николаевой), когда слово в первом и втором контекстах может иметь то или иное значение, а в третьем контексте остается неясным, какое из двух значений имеется в виду [Николаева, 1997, с. 41]. Т. Б. Радбиль выделяет «синкретичную полисемию» как специальный тип полисемии, характерный для поэтических и экспериментально-художественных текстов, при котором происходит одновременная актуализация всех значений слова [Радбиль, 2017, с. 63]. Что касается политического языка и дискурса, то основной чертой его семантики является «идеологическая полисемия», т. е. «фальшивая денотативно-коннотативная идентичность» [Burkhardt, 1996, S. 90], «двусмысленность», «двойственность» или «неоднозначность» (*ambiguity, ambiguïté*) [Серю, 1999, с. 381; Демьянков, 2002; Шатин, 2003] и др.

Рассмотрим специфику полисемии как динамического наложения политической неоднозначности и поэтической многозначности на примере манифестов журнала “Blast”, издававшегося У. Льюисом совместно с Э. Паундом в 1914–1915 гг.¹⁴ Обратимся к анализу контекстуально реализуемых семантических сдвигов, которые осуществляются в манифестах с целью актуализации разных значений слова.

Характеризуя основные положения эстетической программы журнала “Blast”, отметим, что Паунд и Льюис восприняли Первую мировую войну

¹⁴ Паунд знакомится с Льюисом в 1914 г. в Лондоне и тогда же придумывает название «вортицизм» для нового авангардного движения.

как способ авангардной трансформации реальности, обновления политики, социума и искусства. Такой революционизации языка и искусства был посвящен первый выпуск журнала “Blast” (1914), однако по ряду причин, в том числе после смерти единомышленника-вортициста А. Годье-Бжески, оба поэта разочаровываются в войне, что отразилось в антивоенном втором выпуске журнала (1915).

Слово *vortex*, от которого было образовано название направления *вортицизм*, было выбрано в качестве мотивирующей основы по причине сложной семантической структуры¹⁵. Многозначность слова стала основополагающим принципом вортицизма: *vortex* 1) гидродинамический термин: ‘вихрь, водоворот, воронка’, ‘быстро вращающаяся вокруг собственной оси масса воздуха или воды, которая затягивает в свое течение окружающее’; 2) в переносном значении ‘чрезвычайная, опасная ситуация, которая все больше втягивает в себя’; 3) глагол ‘перемешивать вращательным методом’¹⁶. В одноименном манифесте Паунд акцентирует сдвиг между абстрактным и конкретным значениями *vortex*, что приводит к повышению перформативного эффекта слова:

Вихрь – точка максимальной энергии. / В механике он – высочайшая производительность. Мы используем слово «высочайшая производительность» в точном смысле – как оно используется в учебнике по **МЕХАНИКЕ**. / Можно представить человека как то, к чему устремляется восприятие. Можно представить его как **ИГРУШКУ** в руках обстоятельств, как пластичную субстанцию, **ВОСПРИНИМАЮЩЮЮ** впечатления. / А можно его представить как того, кто **НАПРАВЛЯЕТ некую динамическую силу** против обстоятельств, кто **СОЗДАЕТ**, вместо того, чтобы просто наблюдать и отражать. / **ПЕРВИЧНЫЙ ПИГМЕНТ**’ (пер. В. Фещенко) [Трансатлантический авангард..., 2018, с. 159].

Контекстуальный семантический сдвиг здесь происходит от ожидаемого переносного значения *вихря* к первичному, физическому значению:

¹⁵ Как отмечает В. В. Фещенко в обзорной статье, описывающей историю развития трансатлантических связей англоязычного авангарда, подзаголовок «Обозрение великого английского вихря», который значился на титульном листе журнала “Blast”, мог трактоваться и как «печатный орган» «вортекста» (т. е. вортицизма), и как пересмотр самого этого нового движения. «Эта ироническая двойственность стала порождающим принципом вортицистского дискурса» [Фещенко, 2018, с. 33].

¹⁶ Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com>

точка максимальной энергии, что подчеркивается метатекстовыми вставками и экспликацией механистического значения с помощью комментария: Мы используем слово «высочайшая производительность» в точном смысле – как оно используется в учебнике по МЕХАНИКЕ. Здесь Паунд реализует вортицистскую идею вихря – эстетического и языкового, используя принцип «прямого» названия (*direct treatment of the “thing”*). Второй семантический сдвиг реализуется одновременно с первым, производя расщепление фокуса восприятия. Вихрь – это и выражение сверхмощной машинной динамики, и метаязыковой сдвиг. Это вихрь и водоворот, который не только трансформирует язык, но и «закручивает», сливая в одно дизъюнктивное целое, искусство и реальность, поэзию и политику, слово и объект, акт номинации и субъект номинации.

Постоянная смысловая динамика оказывается заложена в самой идее вортекса и реализуется как языковой эксперимент в семантике и прагматике. Инновации на лексико-семантическом уровне реализуются с помощью активизации разных значений слова, которые выводятся в фокус поочередно. Однако семантическая двойственность не снимается в контексте, что связано с интенцией поэта на преодоление бинарных оппозиций и однозначности интерпретации, и приводит к формированию смыслового «сплава» (в терминологии Анны А. Зализняк [2013]) или «синкретичной полисемии» (в терминологии Т. Б. Радбиля [2017]). Многочисленные семантические сдвиги, основанные на внутреннем противоречии между абстрактным и конкретным, буквальным и метафорическим, синхронным и диахронным значениями, создают эффект *семантического вортекста* как специфического эксперимента с семантикой, реализуемого Паундом. Такое совмещение значений приводит к преодолению границы между категориями художественного и эмпирического и позволяет обновить поэтический язык. С дискурсивно-прагматической точки зрения поэзия и политика в концепции Паунда оказываются взаимосвязанными, что приводит к повышению перформативного потенциала поэтического высказывания и эстетизации высказывания политического. Дискурсивное взаимодействие реализуется посредством акцентирования корреляции между этими понятиями, повышения перформативного воздействия поэтического слова на адресата (*Literature is language charged with meaning* ‘Литература – это язык, заряженный смыслом’) и на обыденную реальность (*literature is news that STAYS news* [Pound, 1991, p. 29] ‘Литература – это новости, которые НЕ УСТАРЕВАЮТ’).

Таким образом, многовекторная концепция Паунда по обновлению языка реализуется с помощью ряда лингвокреативных техник и приемов. Основным семантическим приемом становится одновременная активизация разных значений слова, которая создается за счет постоянных семантических сдвигов между разными значениями слова, что можно обозначить как *семантический вортекст*. Помимо контекстуально обусловленных сдвигов активизируются и сдвиги от синхронии к диахронии. Идея семантической «заряженности» языка напрямую связана с его прагматической действительностью. Нарушение линейной структуры текста и нормативного смыслообразования позволяет автору вовлечь адресата в интеракцию, инициируя когнитивную и коммуникативную активность. Такой поэтический язык, согласно Паунду, обладает силой политического высказывания в изначальном (не окрашенном негативными коннотациями) смысле слова, способного трансформировать социальные институты, политический строй и эстетическую систему.

Список литературы

- Белькович Р. Эзра Паунд и республиканская традиция // Литература двух Америк. 2019. № 7. С. 414–439.
- Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. 2002. № 3. С. 32–43.
- Зализняк Анна А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Зубова Л. В. Языки современной поэзии. М.: НЛО, 2010.
- Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997. 432 с.
- Иоффе Д. Прагматика и житнетворчество авангарда (Еще раз о концепции авангарда у М. И. Шапира) // Philologica. 2012. Vol. 9, № 21/23. P. 405–421.
- Ковтунова И. И. Семантика форм лица в языке поэзии // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1 (5). С. 23–34.
- Липовецкий М. Н. Спектакли свободы. Перформативные практики позднесоветского андеграунда // Koipon. 2021. Т. 2, № 2. С. 106–141.
- Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 50 т. М.: Изд-во полит. лит., 1955. Т. 3. С. 1–4.

Николаева Т. М. «Слово о полку Игореве»: поэтика и лингвистика текста // «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты. М., 1997.

Паунд Э. Canto XCV / Пер. Я. Пробштейна. 2014. URL: <https://nourjahad.livejournal.com/98943.html> (дата обращения 01.02.2022).

Перцова Н. Н. Формализация толкования слова. М., 1988.

Радбиль Т. Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Языки славянской культуры, 2017.

Северская О. И. «Новые» слова и смыслы: системные и функциональные возможности паронимической аттракции // Тр. Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. № 19. С. 229–238.

Серво П. Русский язык и анализ советского политического дискурса, анализ номинализаций // Квадратура смысла. М.: Прогресс, 1999. С. 337–383.

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: URSS, 1985.

Трансатлантический авангард. Англо-американские литературные движения (1910–1940). Программные документы и тексты. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2018. 360 с.

Фещенко В. В. Лондон – Нью-Йорк – Париж: Трансатлантические рейсы англоязычного авангарда // Трансатлантический авангард. Англо-американские литературные движения (1910–1940). Программные документы и тексты. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2018. С. 9–101.

Чухров К. К. “Our job to build light...” // Паунд Э. Путеводитель по культуре. М.: Логос, 2000. С. 723.

Шатин Ю. В. Политический миф и его художественная деконструкция // Критика и семиотика. 2003. № 6. С. 67–78.

Швец А. В. «Литературный скандал» в творческой практике кубо-футуристов и профили коммуникативного поведения реципиента // Слово.ру: Балтийский акцент. 2021. Т. 12, № 4. С. 37–51.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–229.

Bernstein Ch. Pounding Fascism // Bernstein Ch. A Poetics. Cambridge, Massachusetts; London, Harvard Uni. Press, 1992.

Burkhardt A. Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung // Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation. Hrsg. J. Klein, H. Diekmannshenke. Berlin: De Gruyter, 1996. S. 75–100.

Dowthwaite J. Ezra Pound and 20th Century Theories of Language Faith with the Word. New York: Routledge, 2019.

“Ezra Pound Speaking”: Radio speeches of world war II / Ed. by L. W. Doob. Westport: Greenwood Press, Inc., 1978.

Feldman M. Ezra Pound’s Fascist Propaganda, 1935–45. London: Palgrave Pivot, 2013.

Lüfter R. Ethik – Politik – Dichtung. Pounds Patria Mia // Political Poetry across the Centuries. London: Brill, 2016. Vol. 8. P. P. 27–40.

Marinetti F. T. Guerra sola igiene del mondo. Milano, 1915.

Nicholls P. Hard and Soft Modernism: Politics as “Theory” // A Handbook of Modernism Studies. Ed. by J.-M. Rabaté. New Jersey: Wiley-Blackwell, 2013. P. 15–33.

Perloff M. The Dance of the Intellect: Studies in the Poetry of the Pound Tradition. Chicago: North-Western Uni. Press, 1996. 243 p.

Pound E. ABC of Reading. London, Boston: Faber and Faber, (1934) 1991.

Pound E. I Gather the Limbs of Osiris: IX. On Technique // The New Age, 10:13. 1912a. P. 297–299.

Pound E. Patria mia and the treatise on harmony. London: Peter Owen Limited, 1912b.

Pound E. The Hard and Soft in French Poetry // Poetry. 1918. Vol. 11. P. 264–271.

Reference

“Ezra Pound Speaking”: Radio speeches of world war II. Ed. by L. W. Doob. Westport, Greenwood Press, Inc., 1978.

Belkovich R. Ezra Paund i respublikanskaya traditsiya [Ezra Pound and the Republican Tradition]. *Literatura dvukh Amerik*, 2019, no. 7, pp. 414–439. (in Russ.)

Bernstein Ch. Pounding Fascism. In: Bernstein Ch. A Poetics. Cambridge, Massachusetts; London, Harvard Uni. Press, 1992.

Burkhardt A. Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung. In: Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation. Hrsg. J. Klein, H. Diekmannshenke. Berlin, De Gruyter, 1996, S. 75–100.

Chukhrov K. K. “Our job to build light...”. In: Paund E. Putevoditel’ po kul’ture [Guide to Culture]. Moscow, Logos, 2000, pp. 7–23. (in Russ.)

Demyankov V. Z. Politicheskij diskurs kak predmet politicheskoy filologii [Political discourse as a subject of political philology]. *Politicheskaya nauka. Politicheskij diskurs: Istoriya i sovremennye issledovaniya*, 2002, no. 3, pp. 32–43. (in Russ.)

Dowthwaite J. Ezra Pound and 20th Century Theories of Language Faith with the Word. New York, Routledge, 2019.

Feldman M. Ezra Pound's Fascist Propaganda, 1935–45. London, Palgrave Pivot, 2013.

Feshchenko V. V. London – N'yu-York – Parizh: Transatlanticheskie reysy angloyazychnogo avangarda [London – New York – Paris: Transatlantic flights of the English-speaking avant-garde]. In: *Transatlanticheskiy avangard. Anglo-amerikanskiye literaturnyye dvizheniya (1910–1940). Programmnyye dokumenty i teksty* [Transatlantic Avant-guard. Anglo-American literary movements (1910–1940). Program documents and texts]. St. Petersburg, 2018, pp. 9–101. (in Russ.)

Ilin M. V. Slova i smysly. Opyt opisaniya klyuchevykh politicheskikh ponyatiy [Words and meanings. Experience in describing key political concepts]. Moscow, ROSSPEN, 1997, 432 p. (in Russ.)

Ioffe D. Pragmatika i zhiznetvorchestvo avangarda (Eshche raz o kontseptsii avangarda u M. I. Shapira) [Pragmatics and life creation of the avant-garde (Once again about the concept of the avant-garde by M. I. Shapir)]. *Philologica*, 2012, vol. 9, no. 21/23, pp. 405–421. (in Russ.)

Jakobson R. O. Lingvistika i poetika [Linguistics and poetics]. In: *Strukturalizm: "za" i "protiv"*. Moscow, Progress, 1975, pp. 193–229. (in Russ.)

Kovtunova I. I. Semantika form litsa v yazyke poezii [Semantics of person in the language of poetry]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshhenii*, 2003, no. 1 (5), pp. 23–34. (in Russ.)

Lipovetsky M. Spektakli svobody. Performativnye praktiki pozdnesovetskogo andegraunda [Performances of freedom. Performative practices of the late Soviet underground]. *Koinon*, 2021, vol. 2, no. 2, pp. 106–141. (in Russ.)

Lüfter R. Ethik – Politik – Dichtung. Pounds Patria Mia. In: *Political Poetry across the Centuries*. London, Brill, 2016, vol. 8, pp. P. 27–40.

Marinetti F. T. Guerra sola igiene del mondo. Milano, 1915.

Marx K. Tezisy o Feyyerbakhe [Theses on Feuerbach]. In: *Marx K., Engels F. Works*. In 50 vols. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955, vol. 3, pp. 1–4. (in Russ.)

Nicholls P. Hard and Soft Modernism: Politics as “Theory”. In: Rabaté J.-M. (ed.). *A Handbook of Modernism Studies*. New Jersey, Wiley-Blackwell, 2013, pp. 15–33.

Nikolaeva T. M. “Slovo o polku Igoreve”: Poetika i lingvistika teksta [“Slovo o polku Igoreve”: poetika i lingvistika teksta]. In: “Slovo o polku Igoreve” i pushkinskie teksty. Moscow, 1997. (in Russ.)

Paund E. Canto XCV. Trans. by Ya. Probshteyn. 2014. (in Russ.) URL: <https://nourjahad.livejournal.com/98943.html> (accessed: 01.02.2022).

Perloff M. *The Dance of the Intellect: Studies in the Poetry of the Pound Tradition*. Chicago, North-Western Uni. Press, 1996, 243 p.

Pertsova N. N. *Formalizatsiya tolkovaniya slova*. Moscow, 1988. (in Russ.)

Pound E. *ABC of Reading*. London, Boston Faber and Faber, (1934) 1991.

Pound E. I Gather the Limbs of Osiris: IX. On Technique. *The New Age*, 10:13, 1912a, pp. 297–299.

Pound E. *Patria mia and the treatise on harmony*. London, Peter Owen Limited, 1912b.

Pound E. The Hard and Soft in French Poetry. *Poetry*, 1918, vol. 11. pp. 264–271.

Radbil T. B. *Yazyk i mir: paradoksy vzaimootrazheniya*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2017. (in Russ.)

Serio P. Russkiy yazyk i analiz sovetskogo politicheskogo diskursa, analiz nominalizatsiy [Russian language and analysis of Soviet political discourse, analysis of nominalizations]. In: *Kvadratura smysla*. Moscow, 1999, pp. 337–383. (in Russ.)

Severskaya O. I. “Novye” slova i smysly: sistemnye i funktsional'nye vozmozhnosti paronimicheskoy attraktsii. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2019, no. 19, pp. 229–238. (in Russ.)

Shatin Yu. V. Politicheskii mif i ego khudozhestvennaya dekonstruktsiya [Political myth and its artistic deconstruction]. *Critique and Semiotics*, 2003, no. 6, pp. 67–78. (in Russ.)

Shvets A. V. “Literaturnyy skandal” v tvorcheskoy praktike kubo-futuristov i profili kommunikativnogo povedeniya retsipiyenta [“Literary scandal” in the creative practice of cubo-futurists and profiles of the recipient’s communicative behavior]. *Slovo.ru: Baltiyskiy aktsent*, 2021, vol. 12, no. 4, pp. 37–51. (in Russ.)

Stepanov Yu. S. *V trekhmernom prostranstve yazyka: Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva* [In the three-dimensional space of language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, art]. Moscow, 1985. (in Russ.)

Transatlanticheskiy avangard. Anglo-amerikanskiye literaturnye dvizheniya (1910–1940). Programmnye dokumenty i teksty [Transatlantic Avant-guard. Anglo-American literary movements (1910–1940). Program documents and texts]. St. Petersburg, Izd-vo Evropeyskogo universiteta, 2018, 360 p. (in Russ.)

Zaliznyak Anna A. Russkaya semantika v tipologicheskoy perspective [Russian semantics in a typological perspective]. Moscow, 2013. (in Russ.)

Zubova L. V. Yazyki sovremennoy poezii [Languages of contemporary poetry]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. (in Russ.)

Информация об авторе

Ольга Викторовна Соколова, доктор филологических наук

Information about the Author

Olga V. Sokolova, Doctor of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 07.06.2022;
одобрена после рецензирования 12.07.2022; принята к публикации 15.07.2022
The article was submitted 07.06.2022;
approved after reviewing 12.07.2022; accepted for publication 15.07.2022*